

Викторий Райхерт

АФЕВОУКА
ОНЛАЙН

Игра без правил

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Рейхерт

Девочка онлайн. Игра без правил

«Автор»

2025

Рейхерт В.

Девочка онлайн. Игра без правил / В. Рейхерт — «Автор», 2025

Циничный художник Рей и фотограф, уставшая от фальши, Кью, случайно встречаются в Tinder за час до Нового года. Их диалог начинается с сарказма, встреча с попытки сбежать от одиночества, а история превращается в опасный эксперимент: можно ли найти что-то настоящее в мире фильтров и пустых связей? Рей рисует картины о мышах, бегущих из идеального мира, и пишет душераздирающие тексты для меню ресторана. Кью видит в объективе только слезы за идеальными улыбками. Их встреча это вспышка среди зимнего города: грязные подъезды, дешевые отели, картины на морозном пляже и голосовые сообщения под утро. Это жесткий, поэтический и пронзительный роман о поколении, которое ищет любовь в сетях, а находит живую боль и хрупкую надежду. О творчестве как последнем способе остаться честным. О двух одиноких людях, которые решили сыграть в игру без правил, где единственный выигрыш, шанс перестать притворяться. "Девочка онлайн. Игра без правил." - первая книга "Город пальм"

© Рейхерт В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Роман «Город Пальм».	5
ЧАСТЬ I: Прокрученный трек	5
Глава 1: Набережная	5
Глава 2: Квартира. Два дня до Нового года	6
Глава 3: Тексты для Луизы.	7
Глава 4: Новогоднее ожидание.	9
Глава 5: Полночь.	10
Глава 6: Двор. 00:45.	12
Глава 7: Первая ночь.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виталий Рейхерт

Девочка онлайн. Игра без правил

Роман «Город Пальм».

Книга 1: Девочка онлайн. Игра без правил

ЧАСТЬ I: Прокрученный трек

Глава 1: Набережная

Сумерки густели, превращая город в размытый окуроч, тлеющий на краю горизонта. Рей брел по пустынной набережной, каждый шаг отдавался глухим стуком в висках. Руки, онемевшие от сырости, были засунуты в карманы потертой куртки. Под ногами хрустела не только галька, но и стекло, и раковины мидий всё перемешалось в единый мусорный покров. Взгляд скользил, цепляясь за окурки, воткнутые в песок с таким видом, будто их оставили здесь в момент последней, решающей мысли.

Ветер с моря резал щеки, неся с собой коктейль из запахов: солёные водоросли, освежающий бриз и едкая нота мазута.

Где-то за спиной, за спиной из бетона и стекла, город продолжал свой вечный карнавал: гул машин, приглушённый бас из клубов, шипение неоновых трубок. Но здесь, у воды, царила иная, влажная тишина. Её нарушал только ленивый шлепок волн о бетон, звук, похожий на чьё-то тяжёлое, равнодушное дыхание.

Рей остановился. Механическим движением, не глядя, достал сигарету, зажал её в губах, уже сжавшихся от холода. Пламя зажигалки вспыхнуло оранжевым, осветив на миг его лицо – бледная кожа, тень щетины, и глаза... пустые, как окна заброшенной мастерской. Дым, горький и едкий, смешался с туманом, и было неясно, что из них гуще.

Город – шумит, мерцает, но показывать уже нечего, – звучало у него в голове. Ты идешь вдоль воды, а она, блять, даже не отражает тебя – слишком грязная. И где-то там, в этих волнах, плавают обломки всех моих «завтра». А я тут... курю, как будто дым может заменить кислород.

Он надел наушники. Из них полилась холодная, электронная версия чего-то знакомого, меланхоличного. В наушниках было безопаснее. Он двинулся к автобусной остановке, оставляя за собой след из окурков и размышлений.

Автобус маршрута №88 трясся, будто разваливался на ходу. За рулем сидел дед в выцветшей фуражке с отломанным козырьком. Его глаза бегали по дороге, туда-сюда, словно он вел не автобус, а танк по полю боя.

– Всех везееем... всех везееем... – бормотал он, не глядя на пассажиров.

– Прямоком в пиздец! А билетик? Билетик – это пропуск в ад! Там, глядишь, и рай найдётся... или хоть скамейка!

Рей оплатил проезд, кивнув водителю, и повалился на сиденье с оторванной обивкой, из которой торчала пружина.

– У вас в раю тоже автобусы гремят, как танки? – саркастично спросил какой-то мужик с сумкой.

Дед-водитель резко обернулся, ткнув пальцем в лобовое стекло: – Видишь дорогу? Она как жизнь – в ямах! А я... я тут капитан! Везу вас сквозь дерьмо! И не спрашиваю, куда!

Автобус врезался в колдобину. Рей впился в поручень, сдерживая смех. Было абсурдно, но в этой абсурдности была какая-то честность.

– Капитан, значит, – не унимался пассажир.

– А когда корабль тонет, крысы бегут первыми?

– Крысы? Да они уже здесь! – захохотал водитель, давя на газ. Он указал пальцем на пассажиров.

– Вон – крыса в пиджаке! Вон – крыса! А ты... – он прищурился, глядя на Рея, но не закончил.

Рей отвернулся к окну. В отражении в грязном стекле он видел свое лицо – бледное, с тенью щетины, с глазами, в которых поселилась привычная усталость. Крыса? Возможно. Но крыса, которая хотя бы знала, что она крыса, а не притворялась голубем.

Дед-водитель затянул хриплую песню: «Вези меня, мой автобус, вези меня во...»

Автобус, рыча двигателем, скрылся в вечернем тумане, оставив за собой шлейф выхлопных газов и безумного смеха, смешавшегося с воем ветра.

Глава 2: Квартира. Два дня до Нового года

Однокомнатная квартира-студия пахла старым кофе, табачным дымом. На столе громоздился ноутбук, пачка сигарет и три пустые банки энергетика. На мольберте у окна эскиз графического романа: силуэт женщины, состоящий из ломаных линий и пятен акрила.

Он стоял на кухне, заливая в стакан из-под виски густой, черный кофе. Дверь с треском распахнулась, и внутрь ввалились Стив и Джо.

Стив – в пиджаке, который явно был ему велик, с вечными синяками под глазами, словно он только что вышел из драки или не спал неделю. Он сразу достал из внутреннего кармана смятый косяк, вертя его в пальцах как волчок.

– Рей, брат, ты знаешь, что твоя жизнь – дерьмо, когда единственное, что у тебя получается это крутить косяк? – хрипло рассмеялся он, поджигая.

Джо, сосед, в толстовке с потускневшим принтом «Я не сплю, я загружаюсь», прислонился к холодильнику, уставившись на эскиз.

– О, снова твоя придуманная баба. Ты ей уже придумал концовку, или она, как всегда, оборвется на 20-й странице?

Рей сделал глоток кофе. Горькая гуща осела на языке. Он затянулся, прищурился от дыма, и выпустил струю в сторону ноутбука, на экране которого застыл всё тот же абстрактный женский силуэт.

– О нет. Она... Посмотрим что получится. – Он сделал паузу, переводя взгляд на друзей. – Новый год скоро. Придете?

Стив передал косяк Джо, скривив лицо в гримасе.

– О, ёбаный Дед Мороз. Голос Стива был хриплым от утреннего кашля и вечного недосыпа.

– Меня Лера уже записала в «подарки» к её подругам. После Бали Лера как пиявка приросла. – Он вздохнул театрально.

– Мы теперь как идеальная пара, буду сидеть в свитере с оленями на хую. Ты ж понимаешь – любовь, бла-бла.

– Стив сделал жест рукой, как ножницы.

Рей поднял на него глаза. В них не было сарказма, только усталое раздражение.

– И так, Бали научил тебя медитировать вместо того, чтобы курить?

Из открытого окна донеслась очередная порция городского шума: визг тормозов, чей-то сдавленный смех, а затем навязчивый мотивчик уличного музыканта, тут же оборвавшийся окриком. Рей вздрогнул плечом, будто отгоняя муху.

– Научил врать себе, – затянулся Стив.

– Теперь я говорю «ом», а думаю: «Бля, где мой диван, Рея?»

Джо кашлянул от дыма, возвращая косяк.

– Я, может, к Тане с её бойзбэндом. Они там... – он сделал вид, что яростно играет на воздушной гитаре.

– обещают фейерверк из гребаного позитива.

Тишину в комнате вдруг разрезал грохочущий бас из проезжающей машины. Казалось, от вибрации задрожали банки на столе. Рей резко, почти опрокинув стул, встал. Не глядя на друзей, он шагнул к мольберту. Не тыкнул, а приложил ладонь к холсту, поверх того места, где у женщины должны были быть глаза.

– Позитив... – это хуйня. Вот она реальна. А вы все... – он машинально поправил свитер, – сливается.

В комнате повисла не неловкая, а тяжёлая, гулкая тишина. Нарушало её только монотонное «кап-кап» из раковины да нарастающий за окном вой сирены скорой, которая куда-то мчалась по мокрому асфальту.

Пятнадцать минут спустя

Стив разливал дешевое шампанское по стаканам, найденным в шкафу. Джо жевал чипсы с перцем, громко хрустя. Рей вернулся к мольберту, вода карандашом по бумаге, но не видя её.

– Слушай, а твоя девочка на холсте... – подмигнул Стив Джо.

– Она тоже не настоящая? Или ты уже решил, что виртуальный секс это новый чёрный?

Рей бросил карандаш. Он упал на пол с тихим стуком. Рей резко обернулся, и в его глазах мелькнуло что-то опасное.

– Она придёт. В новогоднюю ночь. И тогда... – он хлопнул ладонью по эскизу, – она станет реальнее вас обоих.

Джо поднял бровь, отложив пачку чипсов.

– Реальность это когда ты просыпаешься в три ночи и понимаешь, что твой лучший друг жрёт твой йогурт. – Он кивнул на Стива.

– А всё остальное – хуйня. Стив поставил стакан с шампанским прямо на рисунок, оставив мокрый круг.

– Ой, Бэнкси-хуянки, хватит ныть. Если твоя тиндер-богиня и правда придёт... Где-то за стеной взорвалась петарда, заставив всех вздрогнуть. Рей не шелохнулся.

– Она придет, – тихо, сквозь зубы, сказал он. – Понятно, Винсент ван Гог?

– Расслабься, Пикассо, – засмеялся Стив, доливая ему шампанского.

– Мы же просто... тренируемся перед тем, как мир взорвётся.

Джо поднял стакан, разглядывая пузырьки, поднимавшиеся со дна.

– Интересно, если я сейчас сбегу к Тане... Она даст мне шанс стать бэквокалом своей депрессии?

Рей отвернулся к окну. На улице, поверх крыш, мигала неоновая реклама: «С Новым счастьем!». Каждая буква загоралась и гасла с треском, отбрасывая на его лицо розовые и синие тени.

Счастье – это когда тебе не надо притворяться, что ты не одинок, – подумал он, но вслух не произнес.

Глава 3: Тексты для Луизы.

Кабинет был сплюсненным. Как аквариум для одного, где воздух вытеснили запахи: химическая горечь ламината, пыль из кондиционера и сладковатопрогорклый дух старого кофе, въевшийся в пластик подоконника. Свет люминесцентных ламп лизал стены, не оставляя теней, вытравливая объём.

Рей сидел, сгорбившись, будто под невидимым грузом. Ворот чёрной рубашки был растёгнут на две пуговицы, давил на яремную впадину. На столе графический планшет, мертво-белый экран которого слепил глаза, и клавиатура, в щелях между клавишами таился серый пепельный снег.

Его большой палец жил своей жизнью на потёртом стекле телефона. Вверх. Пауза. Вверх. Мозг отключился, остался только рефлекс охотника, ищущего хоть какую-то движущуюся цель в неподвижном пейзаже. Мелькали улыбки-маски с безупречными зубами, глаза, увеличенные фильтрами до размеров пуговиц, откровенные фото в зеркалах спортзалов, где главным объектом была не душа, а её временная оболочка.

Калейдоскоп. Беззвучный карнавал, где каждый кричал: «Посмотри на меня!», но никого не было слышно. Он остановился на профиле. Девушка. Кью. Фото в аэропорту, размытый фон, лицо наполовину в тени. Казалось, ветер навсегда застыл в её волосах, создавая живую бурю из медных колец и спиралей. Они порхали у висков и на шее, мягкой, пушистой волной смягчая контур лица..

В дверь, не стуча, ввалился Бэн. Шеф-повар ресторана «Ностальжи», он же основной заказчик Рея на тексты для меню. На Бэне был заляпанный пятнами непонятного происхождения фартук, в зубах сигара. На груди болтался значок: «Я готовлю ваши мечты».

– Рей, друг мой, – Бэн швырнул на стол папку, задев чашку с карандашами.

– Твоё описание к трюфельному ризотто звучит как некролог. «Нежный, с нотками осени»? Бля, это же не парфюм, а еда! Дай хоть немного драмы.

Рей не отрывался от телефона.

– Хочешь драмы? Напиши: «Это блюдо съест тебя первым, если замешкаешься».

Бэн хрипло рассмеялся, усевшись на край стола и придавив папку с эскизами Рея.

– Вот! Видишь, а говоришь не умеешь. – Он заметил телефон.

– О, Tinder? Ищешь ту, что спасёт тебя от новогоднего позора?

Рей резко выключил экран.

– Я ищу... вдохновение. Для романа.

– Ври дальше, – Бэн достал из кармана флешку, начал крутить её между пальцами, словно ниндзязвезду.

– Ладно, помоги мне с другим «вдохновением». Скачай на эту флешку пару фильмов. Для вечернего... исследования.

– Каких? – бровь Рея поползла вверх.

– «Повар-убийца» – про парня, который рубил лук и... людей. И «Кухня безумия» 1983 года. Там шеф режет стейки под Бетховена. – Бэн встал, поправляя фартук.

– И да, не забудь торрент поставить на паузу, а то у нас тут интернет медленнее, чем моя карьера.

Рей вставил флешку в компьютер, язвительно процедив: – Ты бы ещё документалку про санитарные нормы скачал.

Бэн задержался в дверном проёме, его широкая спина на миг заслонила мерзлый свет из окна. Он обернулся. И его лицо, обычно размалёванное клоунской усмешкой, вдруг обнажилось. Стало простым, усталым, почти человеческим.

– Рей. – Он назвал его по имени без насмешки, и от этого стало не по себе.

– Знаешь, в чём подвох всей этой охоты? – Он кивнул на телефон, лежавший на столе, как чёрная приманка.

– Идеальная женщина... её не бывает. А настоящая... Она, брат, оказывается зеркалом. Чистейшим. И ты в неё смотришься, а видишь только своё ёбаное, голое одиночество. Во весь рост.

Он не стал ждать ответа. Развернулся и ушёл, тяжело ступая по коридору. Откуда-то донёсся его свист «Крёстного отца».

Тишина, которую он оставил после себя, была иной. Она не давила, а зияла.

И в эту зияющую тишину упал звук – нежный, как щелчок выключателя. Вибрация телефона по столу. Рей смотрел на флешку Бэна, валявшуюся рядом с клавиатурой. Лоснилась, как чёрный жук. Потом его взгляд медленно, против воли, сполз на экран. Уведомление. Tinder.

Кью (профиль: тень на фоне окна самолёта, ветер в волосах, лица не разобрать): «Ты и правда рисуешь? Или это просто такая... био-приманка?» Рей выдохнул. Воздух вышел дрожью. Он потянулся к мышке, но рука не слушалась, повисла в воздухе. Глаза бегали от флешки к экрану и обратно. От чёрного жука к тусклому свету.

– Зеркало... – прошептал он в пустоту. И после паузы, уже тише, будто делая признание самому себе: – ...или окно.

И начал печатать. Сначала медленно, одним пальцем. Потом быстрее.

Глава 4: Новогоднее ожидание.

Оранжевый, грязный свет заката пробивался сквозь немытое окно. На полу, у порога, лежал новогодний подарочный пакет с бантом. Рей присел на корточки, включил фонарик телефона. Внутри – блестящая мишура, бутылка дешёвого шампанского с наклейкой «Для Тани», пачка конфет «Красный Октябрь», позабытых ещё в девяностых.

– Джо, ты гений, – с горькой усмешкой проворчал Рей. – Даришь конфеты, которые даже крысы не едят.

Он отшвырнул пакет в угол, где тот присоединился к груде других «подарков» от жизни – пустым пачкам из-под сигарет, скомканным эскизам.

Весь вечер он листал Tinder. Экран мерцал, как неоновая ловушка. Матчи. Лайки. Пустые диалоги.

«Привет, что ищешь?»

«...»

«Ты реально художник? Нарисуй меня ню.»

«Пользователь удалён.»

Люди в сетях – как мотыльки, думал Рей. Летят на свет, бьются об экран, а потом умирают в корзине «удалённых чатов». И ты сам – такой же мотылёк, только с аватаркой философа.

Но был один диалог. Тот самый. С Кью. Он перечитал его в сотый раз.

Рей: «Ты похожа на ту, кто прилетела не в город, а в чужую жизнь. Ищешь обратный билет?»

Кью: «Обратный – скучно. А ты похож на того, кто рисует чужие жизни, потому что своей боится. Угадала?»

Рей: «На 1%. Остальное – алкоголь и самокопание. Говорят, это хит.»

Кью: «Ха. Я сегодня в городе. После полуночи – прогулка до первых криков «ура» от похмелья. Ты в игре, Гринч?»

Рей: «Гринч крал Рождество. Я же просто... забыл, куда спрятал своё. Встретимся у памятника безумному художнику?»

Кью: «Ты его сам придумал? Ладно. Но если окажешься скучным – солью тебя.»

Он не ответил. Не стал. Поставил телефон на мольберт, прямо поверх той самой «дыры» на холсте. В тёмном стекле два лица наложились друг на друга – его живое, искажённое гри-

масой, и нарисованное, лишённое черт. Надежда? Да. Страх? Ещё больше. И что-то третье – азарт подпольщика, идущего на явку.

За окном началась пальба. Не хлопушки – настоящий канонадный салют, когда один за другим рвались заряды, окрашивая потолок его комнаты в судорожные вспышки синего, красного, зелёного. Город начинал свой ежегодный ритуал – жечь порох, чтобы заглушить тишину. Рей не шелохнулся. Он смотрел на наложенные лица и ждал. До полуночи оставалось три часа.

Глава 5: Полночь.

Пригород. Ночь. 23:30

Рей нёсся. Скейт под ним был не доской, а отломанной льдиной, несущейся по чёрной реке асфальта. Воздух, холодный и густой, резал горло. В наушниках играл Фрэнк Синатра. Улицы были наполнены праздником. Всё живое сбилось в кучки у ярко освещённых окон, откуда доносился гул голосов и треск телевизора. Только он один нёсся сквозь этот антракт между днём и ночью. Неоновые гирлянды на домах моргали аритмично, как электросудорожная терапия, выхватывая из тьмы тени: покосившийся забор, будто пьяный ряд зубов.

Взрывы. Хлопушки, петарды – короткие, судорожные оргазмы шума. Смех детей звучал слишком высоко и истерично. Запах жжёной бумаги и пороха висел в воздухе, как после маленькой войны. Рей вдавил пятой задний край доски, совершив резкий, некрасивый разворот у столба фонаря. Телефон выскочил из кармана, будто живой.

Уведомление. Селфи. Кью в лифте. Чёрное платье, блёстки, которые даже на фото слепили глаза. И главное один глаз подведён криво, линия поползла вверх, как трещина по стеклу. Сломанная кукла. Недоделанная принцесса. Текст: «Ты ещё в пути? Или уже испарился, как твоё вдохновение?»

Рей, дыша густым паром, печатал голыми, заочневшими пальцами:

– Если я растворюсь, ты будешь меня искать в стакане шампанского?

Ответ пришел через пять секунд – голосовое. Он поднес телефон к уху, отключив музыку.

Голос Кью – низкий, с хрипотцой, смесь вызова и усталости:

– Шампанское – для тех, кто верит в тосты. Я лучше налью текилу и буду ждать, пока твоя тень появится в дверном проёме.

Рей закурил, посмотрел на часы: 23:45. Взял скейт под мышку и написал:

– Жди. Но если я приду – ты не спросишь, зачем я здесь.

Ответ пришел мгновенно, текстом: – Не спрашиваю.

Он надел наушники, толкнулся от фонаря. Скейт взвизгнул, как раненый зверь, и понес его в темноту, навстречу новогоднему чуду.

Квартира Кью. Центр.

Хрущёвка с дизайном «псевдогламур»: стены, оклеенные «под кирпич», бархатный диван, на полу пустые бутылки и пачки с закусками «для беременных»: солёные огурцы соседствовали с банкой устриц.

Сейма, на восьмом месяце беременности, в бесформенном платье-мешке, кричала на Карла, который пытался пристегнуть ей босоножки на высоченном каблуке.

– Ты вообще понимаешь, что эти туфли жмут, как твоё кольцо на моём пальце? Я не могу дышать, чёрт возьми!

Карл, красный от натуги, швырнул туфлю в стену.

– Может, тогда рожай в кроссовках? Или это недостаточно «благородно» для твоего идеального ребёнка?

В углу, на подоконнике, сидела Кью. Она пила красное вино из бокала, переписываясь с Реем, полностью игнорируя спектакль.

– Ребята, вы как два клоуна в трагедии, – сказала она, не отрываясь от экрана. – Надо было вам назвать ребёнка «Сосиска в тесте», раз вы оба так любите цирк.

Сейма хватанулась за живот, фальшиво рассмеявшись:

– О, Кью! Ты всегда знаешь, как подлить бензин. Надеюсь, твой тиндер-принц подавится этим своим... – она посмотрела в её телефон.

Карл внезапно рухнул на колени, целуя руку Сеймы:

– Прости. Я куплю тебе тапочки с бриллиантами. И... и рождественскую свинью в подарок.

Сейма погладила его по щеке:

– Свинью оставь себе. Но тапочки – да.

Такси ждало внизу. Когда они вывалились на улицу, водитель смотрел на них как на бесплатный спектакль. Кью отстала, отправляя последнее сообщение. В чате горели слова Рея: «Ты близко?»

Она села в такси. Сейма и Карл на заднем сиденье уже целовались, забыв про ссору. Кью смотрела в окно, где город сливался в огненную реку фейерверков, и печатала: «Близко. Водитель, чертов Вин Дизель, встречай.»

В отражении в стекле её лицо накладывалось на текст – двойная экспозиция одиночества и надежды.

Интерлюдия: Купидон и его Возлюбленная. Улица у дома Рея.

В дворе, куда не доносился шум фейерверков, под фонарём с треснувшим стеклом стояли двое. Их тени, длинные и ломаные, падали на асфальт, принимая странные, нечеловеческие очертания. Со стороны их можно было принять за двух гуляк в карнавальных костюмах, задержавшихся после праздника. Один – в чём-то вроде рваной накидки, с древком лука, торчащим за плечом, как лыжная палка. Другая – девушка с сигаретой, прилипшей к нижней губе.

– Ты всё ещё веришь, что это работает? – Он щёлкнул стрелой по лобовому стеклу подъезжающего такси.

– Люди... они как пьяные комары. Летят на свет, обжигаются, но всё равно ползут обратно.

Возлюбленная выдохнула дым. Дым превратился в череп, в глазницах которого мерцали сердечки.

– Ты путаешь любовь с привычкой. Они не летят к свету. Они бегут от тишины. – Она указала на окно Рея, где горел тусклый свет.

– Вот этот, например. Он не хочет её – он хочет перестать слышать, как скрипят его собственные мысли.

Купидон прицелился из лука в окно, но тетива с тихим щелчком порвалась.

– Раньше мои стрелы зажигали войны. Теперь... – он горько рассмеялся, теперь они тонут в Tinder, как дерьмо в унитазе. Возлюбленная подняла обрывок тетивы, завязала узел.

– Ты устал, малыш. Любовь умерла, когда её начали продавать по подписке. – Она посмотрела на такси, из которого вышла Кью.

– А эти двое... Они просто хотят на минуту притвориться, что их одиночество – это бунт, а не поражение.

– Держу пари, – бросил Купидон лук.

– Он нарисует её, а она сбежит на рассвете. Как всегда.

Возлюбленная поцеловала его в щёку, оставив след пепла.

– Проиграешь. Они сбегут вместе. А потом вернуться. Потому что ад – это не огонь. Это повторение одного и того же дня, словно петля в прокрученном треке.

Они растворились в изморози. На их месте остался лишь след на стекле машины в форме сердца, которое тут же исчезло.

Глава 6: Двор. 00:45.

Такси, подсвеченное оранжевым светом фонаря, уехало. Кью осталась стоять на тротуаре. Её кудри были пойманы ветром, а платье блестело под луной, как чешуя. Рей стоял на тротуаре, руки в карманах, взгляд прикован к её ногам тонким, в ажурных колготках, будто он пытался запечатлеть их в памяти.

– Что, художник? – саркастично бросила Кью, поправляя прядь волос.

– У тебя же есть телефон, чтобы сфоткать. Или ты доверяешь только памяти?

Рей сделал шаг вперёд, тень скрыла его улыбку.

– Память – шлюха. Она красит всё в розовый. А я... – он замолчал, давая фразе повиснуть в морозном воздухе.

Кью резко рассмеялась. Внезапная тишина, нарушаемая только свистом ветра, сжала пространство между ними. Она подошла, остановилась в сантиметре, глядя ему прямо в губы.

– Ты вообще умеешь встречать гостей? Или я должна сама предложить себе чай?

– Чай? – Рей не отводил глаз.

– У меня есть игристое. И... – он кивнул на тёмный подъезд, – стена, которую можно разрисовать, если станет скучно.

Она вдруг прыгнула ему в объятия, обвив руками его пояс. Он едва удержал равновесие, хрипло засмеявшись.

– Скучно? – прошептала она на ухо, и её голос был горячим, как спирт.

– Я с детства не знаю, что это. Но если твое игристое хуже, чем мои бывшие, – я разрисую тебя сама.

Рей крепче прижал её, шагнул к подъезду.

– Осторожно. Я ещё не решил, ты – сюжет или просто... – дверь скрипнула, красивая опечатка в моём сценарии.

Подъезд встретил их запахом кошачьей мочи, влажного бетона и ладана – последний клочок праздника от старушки за первой дверью. Они поднимались, не разжимая объятий, спотыкаясь на ступеньках. Её дыхание обжигало ему шею. Его руки впивались в её спину сквозь тонкую ткань. На площадке третьего этажа, под лампочкой, мигающей как предсмертная аритмия, она вдруг отстранилась. Не полностью – лишь настолько, чтобы увидеть его лицо.

– Ты знаешь, что мы оба сейчас делаем?

Рей остановился, отпустил её, чтобы открыть дверь.

– Да.

Он распахнул дверь в тёплый, захламлённый полумрак.

– Добро пожаловать в мою берлогу. Этаж третий.

Кью переступила порог.

– А где тут... «Ничего не жду, но всё равно боюсь»?

Рей втянул её внутрь, закрыл дверь ногой. Тьма стала абсолютной.

– Иллюзии кончились. Остался только я. И, кажется, ты.

В темноте его руки нашли её талию. Её пальцы вцепились в полы его куртки. За дверью осталась только лужа от стекающей воды с её сапог – маленькое, быстро замерзающее свидетельство того, что здесь кто-то был.

Глава 7: Первая ночь.

Свет лампы, пробивающийся сквозь забор скрученных тюбиков и кистей, был жёлтым, густым, как суп. Он не освещал, а выгрызал из темноты фрагменты хаоса: угол мольберта с прищуренным холстом, башню из книг, готовая рухнуть при первом сквозняке, армию пустых банок, застывших в вечном пире. пятна краски на полу, похожие на карту неизвестных созвездий. Запах – скипидар, табак, старая пыль и мандарины.

Кью осматривалась, медленно снимая пальто. Её взгляд скользнул по эскизам на стене, по пустым бутылкам у дивана, по потёртому ковру, заляпанному краской.

– Ого, – сказала она без особой интонации.

– Настоящая мастерская непризнанного гения. Или просто помойка с претензией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.